

Инспекция

роман

— Пепел на грузовиках вывозим к Висле и сбрасываем, течением уносит. Зимой посыпаем им дороги, весной удобряем поля и теплицы в Райско. Когда позволяет время, дробим кости и продаем одной местной фирме, они уже перерабатывают в суперфосфат и перепродают дорожке — как удобрение. Только в этом году отправили им без малого восемьдесят тонн. Выкручиваемся в общем-то.

Я окинул взглядом огромную территорию, обнесенную высокой бетонной стеной с колючей проволокой, затем снова посмотрел на говорившего.

— В целом устройство несложное, — продолжил роттенфюрер, — совсем скоро будете ориентироваться здесь как дома, гауптштурмфюрер. Лагерь поделен на зоны, каждая окружена забором. Заключенным из одной зоны строго запрещен доступ в другую без специального разрешения или сопровождения. Весь периметр огорожен забором и двумя рядами проволоки, под напряжением только внутренний ряд. На караульных вышках мощные прожекторы — когда горят все, ночью светло как днем. Увидите, пробивают каждый закоулок. К забору нельзя подходить не только снаружи, но и внутри. Если какая-то полосатая собака вздумает подойти ближе чем на три метра, с вышки стреляют без предупреждения. Баракон много, в одном только Биркенау почти двести штук, но все равно не хватает, продолжаем достраивать. Сортиры, душевые, всё как и везде...

— Сколько душевых приходится на каждый барак? — спросил я.

— По одному сортиру и душевой на девять-десять баракон. Не по норме, конечно, но сейчас везде не по норме. Вот

те бараки — КБ*, санчасть, — продолжил он, — больничка и амбулатория, но туда лучше не ходить. Тиф, дизентерия, чесотка — этого добра навалом. В разгар эпидемии косит целые бараки. К сожалению, иной раз и наших парней может зацепить. Может, слышали, недавно скончалась жена штурмбанн-фюрера Цезаря, который руководит сельскохозяйственным отделом. А сейчас и сам он в больнице. Говорят, шансов мало, вряд ли выкарабкается, да. — Он замолчал, давая мне осознать всю серьезность положения, затем добавил: — Так что вы уж сделайте укол против брюшного тифа, крайне рекомендую.

Я кивнул. Мы продолжили обход лагеря.

— В бараках стараемся четко разделять: арийцы из рейха, в основном политические и уголовники, — отдельно, поляки — отдельно, евреи — отдельно. У баб, конечно, бардак знатный, все вперемешку, но у этих порядка никогда не было, там нечего и пытаться. Бараки стандартные, разделены на дневную и спальную части, в спальней — нары в три яруса. Положено, конечно, по одному телу на настил, но нам их прут столько, что блоковым** приходится распахивать по двое-трое в лучшем случае. Норма одеял, естественно, прежняя — на одного. В бараки мы тоже без надобности не суетмся — хоть и не больничка, но заразы тоже достаточно, а нет, так вшей точно подцепишь. Там блоковые и без нас отлично справляются.

Резкий порыв холодного ветра заставил меня поднять воротник плаща — перед поездкой я сдал его в мастерскую, чтобы мне подбили его дополнительно мехом. Благоразумно, как оказалось, — несмотря на отсутствие снега, морозило здесь уже нещадно. Из-за угла деревянного барака появилась женская колонна: лысые, в тонких полосатых обносках, треплющихся на ветру, женщины семенили друг за другом по пять в ряд, уставившись в землю.

* КБ (от нем. Krankenbau, KB) — больничный блок. — *Здесь и далее примечания автора.*

** Блоковой — старший по бараку.

— Что на них за тряпье? Неужели нельзя выдать что-то лучше? — спросил я, вспомнив вполне приличную одежду, которую мы выдавали в Дахау зимой.

— А что лучше-то? Здесь же ничего не списывается, тряпье ходит по кругу.

— Как это по кругу?

— Раз в несколько мес... недель... в общем, как придется, забираем у них белье и одежду, отправляем в наши швейные мастерские, там это приводят в порядок, латают, подшивают, потом везут в дезинфекцию на прожарку, вшей подкоптить, — он усмехнулся, — после снова выдаем заключенным.

— А стирка?

— Нет такого, — он пожал плечами. — Иначе окончательно развалится.

Я посмотрел на высокую кучу мусора, сваленную возле одного из барачков. От него несло кислой капустой. В этой куче копошились несколько заключенных.

Провожатый проследил за моим взглядом.

— Лагерная кухня. Гоняем, конечно, но некоторые дошли уже до такой стадии, что ни палкой, ни дулом не отгонишь. Скотина, что с них взять? Смотреть тошно. — Он сплюнул и растер грязным растоптанным сапогом.

Мы прошли дальше. Барачки заключенных напоминали конюшни: длинные, серые, без окон.

— Это штабной, внутри канцелярия, но там вы, кажется, уже были.

Я кивнул.

Прямо перед окнами канцелярии приседали заключенные. Рядом стоял эсэсовец, в руках у него был хлыст, которым он стегал тех, кто, по его мнению, не проявлял достаточного усердия.

— Сели! Встали! Выше! Сели! — И он снова стегнул очередного арестанта. — Жаба! Ниже жопу!

Движения заключенных действительно напоминали лягушачьи прыжки. Несколько стариков уже валялись в стороне

без сознания. Они были настолько измучены, что даже удары хлыста не могли привести их в чувство. Остальные, судя по всему, были на пределе. Глаза многих уже закатывались, красные напряженные лица блестели от пота, из последних сил они выпрыгивали с места, стараясь удовлетворить надзирателя взятой высотой. В этот момент очередной заключенный завалился на спину. Раскинув руки, он судорожно хватал липкими губами воздух. Эсэсовец уже двинулся в его сторону, а у того не было сил даже попытаться увернуться от хлыста. Щелчок — и черная кожаная полоса рассекла лицо и грудь лежавшего на земле. Он взвыл от боли.

— Бергер не дает спуску этой швали, у него не забалуешь, — усмехнулся мой сопровождающий.

Он подошел к надзирателю и перекинулся с ним парой слов, затем вернулся и сообщил:

— Одного из этой команды поймали, когда он болтал с кем-то из женского через проволоку. Ничего, вся команда за него попрыгает, в следующий раз и близко не подойдет к заграждению. По-другому они не понимают.

Мы дошли до автомобиля.

— Как раз вовремя, — мой спутник посмотрел на низкое серое небо, — скоро дождь начнется. Это уж надолго.

Он открыл передо мной дверь, затем быстро оббежал машину и сел за руль. Мы поехали в основной лагерь, который находился километрах в пяти от Биркенау, но не стали заезжать в него, а обогнули и выехали на дорогу, идущую вдоль берега Сола.

— В ту сторону, — роттенфюрер махнул рукой вперед, — город. А там, — он кивнул в противоположную, — деревня Райско, там тоже наши подсобные хозяйства. Моновиц будет километрах в семи отсюда.

Рядом с местом, где мы остановились, была установлена большая табличка: «Зона концентрационного лагеря “Аушвиц”. Вход воспрещен. Стреляют без предупреждения». С шоссе был виден роскошный комендантский дом, окруженный садом,

в котором несколько заключенных подстригали оголенные ветви. Мы двинулись дальше. Возле шлагбаума пришлось предъявить документы. Сразу за шлагбаумом расположилась главная караульная, рядом — комендатура, в которой я уже побывал.

— Тут-то бараки основательнее, это бывшие польские казармы, — мимоходом пояснил мой водитель.

В главном лагере все бараки были построены из красного кирпича.

Мимо караульной двигалась странная процессия. Впереди понуро плелись около сорока заключенных в цепях. Их подгоняли вооруженные конвоиры. Сзади шли сотрудники гестапо, у многих в руках были короткие полицейские кнуты и папки с документами. Следом несколько секретарей несли пишущие машинки.

— Кто это?

— Вы не в курсе? С недавних пор у нас проводят заседания чрезвычайного полицейского суда. Перенесли из Катовице.

— У них нет подходящего места для судебного заседания? — удивился я.

Роттенфюрер усмехнулся и многозначительно посмотрел на меня в зеркало заднего вида.

— В лагере можно сразу же привести приговор в исполнение. Когда это делали в Катовице, местное население реагировало, скажем так, не всегда спокойно, да и родственники подсудимых могли оказаться рядом. В общем, много ненужных забот.

— По каким делам они здесь?

— Кто-то из Сопротивления, кто-то из сочувствующих, кого-то поймали на прослушке вражеского радио. Одно и то же, в общем-то. У нас ведь что удобно — они еще могут и провести допрос соответствующим образом. После богеровских качелей еще никто не молчал.

— Что за качели?

Мне стало интересно.

— Наш обершарфюрер Богер из политического отдела придумал приспособление, которое развязывает любые языки! Да вы и сами можете увидеть.

Мы двинулись по улице вдоль бывших казарм, пока не дошли до последнего ряда. Барак, к которому вел меня мой спутник, ничем не выделялся среди остальных. Рядом со входом красовалась неприметная табличка «11». Мы поднялись по каменным ступеням на крыльцо. Через несколько мгновений после нашего стука в дверном окошке показалось лицо часового. Пока он переговаривался с роттенфюрером, я внимательно рассматривал здание и только сейчас понял, что отличие от остальных бараков все же имелось: окна были заделаны, оставались лишь щели шириной не больше ладони.

Мы зашли внутрь и оказались в длинном темном коридоре. Его пересекали более узкие проходы. В каждом было по несколько дверей, обитых толстым листовым железом, на уровне головы в них были прорезаны крохотные оконца. Даже в коридоре дышалось с трудом, воздух был спертый и пыльный, я представить не мог, что же тогда творилось в закупоренных камерах.

— Туда лучше не заглядывать, — сопровождающий будто понял, о чем я думал, — внутри вонь такая, что с ног сбивает.

Я догадался, что это были стоячие одиночки.

Пройдя по коридору насквозь, мы попали во внутренний двор. Он был огорожен высоким каменным забором, который примыкал к соседнему блоку. Это создавало эффект колодца. Окна того блока были наглухо забиты досками.

— Видите тот черный участок стены возле забора?

Я посмотрел на кусок стены, обложенный изоляционной плиткой.

— Это и есть ваша расстрельная стена?

Он кивнул, но тут же оговорился:

— Правда, если приговаривают больше двух сотен, то ведут сразу в крематорий, иначе слишком хлопотно. А если

человек сто, то газ не тратим. Иногда зондеров* сюда гоним, чтобы они подержали особо строптивых за уши.

— Зачем?

— Чтоб прижимали им головы к земле, иначе кровь фонтаном. Потом вся форма грязная. Отскакивай не отскакивай, один черт, летит...

Я еще раз окинул взглядом высокий забор, полностью скрывавший двор от любопытных глаз.

— Место, конечно, укромное, кроме того, стараемся использовать тут только мелкокалиберное оружие, но, сами понимаете... Даже громкую музыку пытались включать, но все равно каждый в лагере знает, что здесь происходит.

В углу двора я заметил несколько переносных виселиц, но спрашивать про них не стал.

Мы вернулись в здание и поднялись на второй этаж. Одна из дверей была приоткрыта. Оттуда раздавались глухие и протяжные стоны. Я заглянул. Посреди комнаты стояли два деревянных козла, соединенные толстой металлической штангой. На ней, как баран над жаровней, висел лицом вниз полуголый человек, подвешенный на штангу за вывернутые вверх руки и за ноги, соединенные кандалами. В комнате находились еще двое. Один просматривал какие-то бумаги, другой бил висящего кнутом по пяткам и ягодицам. Иногда удары были такой силы, что тот делал полный оборот вокруг штанги. По ногам его стекали тонкие струйки крови, собиравшиеся в лужу. После очередного удара голова заключенного безвольно повисла на обмякшей шее. Эсэсовец с документами заметил это и сделал знак другому, чтобы остановился. Взяв со стола крохотный стеклянный флакон, он поднес его к носу заключенного. Тот не реагировал. Тогда эсэсовец тряхнул склянку и почти прижал к ноздрям.

* Зондеркоманды — название ряда различных формирований специального назначения в нацистской Германии. *Здесь*: особое подразделение заключенных, которое работало в крематориях.

Заклоченный дернулся, тело его начало сотрясаться от конвульсий, но глаза он так и не открыл. Ээсовец кивнул второму, тот продолжил.

Я отошел от двери.

— Раньше использовали два стола, теперь, как видите, усовершенствовались. В наших же мастерских и изготавливаем приспособления, — не без гордости произнес роттенфюрер. — Когда его стряхнут со штанги, подпишет любые показания, будьте уверены.

— Не сомневаюсь. Это и есть богеровские качели?

— Нет, это из гестапо. Тут вся метода их, этот блок весь под политическим отделом*. У них в активе много всего. Бутерброд хотите увидеть? Заключенного кладут на лавку, а сверху широкую доску. И по этой доске начинают дубасить гириями, пока у него не начинает брызгать кровь из ушей и рта. Так промаринуется в собственном соку между доской и лавкой час-другой и мигом все выкладывает. Тут воля ломается быстрее костей. А главное, надо, чтоб остальные слышали, а еще лучше — видели. Тогда второго волочешь, а он уже на ходу начинает все выдавать. Пойдете посмотреть?

Вместо ответа я спросил:

— Хоть что-то из этого прописано в должностных инструкциях?

Мой сопровождающий внимательно посмотрел на меня, будто силился понять, шучу я или нет. Затем просто пожал плечами.

— Это нужно, чтобы допросы проходили успешно. По-другому этот сброд не понимает. Тут главное — заставить их говорить, неважно какими способами. Сейчас ведь война, — он задумался, подыскивая слова, чтобы выразить мысль яснее. — Как бы вам объяснить, тут такой манер: лучше

* Сотрудники лагеря состояли из представителей СС и СД. Исключение составлял политический отдел: там работали сотрудники гестапо. В ведении политического отдела находились все допросы и казни.

перестраховаться и убить лишнего, чем пожалеть, а потом получить пулю в спину. Единственно верная политика сейчас. Как по мне, так я бы пристреливал каждого, кто отводит взгляд.

Здесь тоже было душно. Я расстегнул верхние пуговицы плаща. Мы пошли дальше и поднялись на чердак. В нос мне ударил омерзительный запах.

— Черт подери, здесь никогда не убирают? — пробормотал я, сиюсь разглядеть помещение.

Ламп здесь не было, свет слабо пробивался сквозь неплотно подогнанную черепицу, а потому я не сразу осознал, что на массивных балках под крышей висели... люди. Я молча разглядывал эти человеческие гирлянды, раскачивающиеся в блеклых кривых лучах, пронизанных густой пылью. Руки у всех были связаны за спиной веревкой, которая была перекинута через балку. Почти все молчали, бритые головы их безвольно свисали на грудь. Стонал лишь один в углу. Я понял, что это и были знаменитые богеровские качели.

— Они уже ничего не ощущают, их плечи давно вывихнуты. Главное, не задевать их и не раскачивать. Этого, — сопровождающий кивнул на стонавшего, — подвесили, видать, недавно, его суставы еще сопротивляются.

Я подошел к нему ближе и сумел разобрать, что шептали высохшие губы: «Мама, мамочка, мама...»

— Когда они висят на выкрученных руках, то под тяжестью тела кости постепенно выскакивают из суставов, — проговорил роттенфюрер, разглядывая другого узника, не издававшего ни звука, казалось, уже даже и не дышавшего, — и они продолжают висеть на сухожилиях. — Он перевел взгляд на меня: — У этого время вышло.

Он подтянул табурет, стоявший в центре помещения, и тронул висевшего за ногу.

— Эй, — позвал он, но заключенный не шевельнулся, — ставь ноги, — снова проговорил мой сопровождающий.

Длинные ноги едва заметно дернулись, но ни одна не встала на табурет. Мой спутник молча поставил вначале одну ногу заключенного, затем вторую, потом развязал веревку и ловко перехватил завалившееся тело.

— Что церемониться с этим сбродом? — раздался насмешливый голос у меня за спиной.

Я обернулся. Какой-то штурманн развязывал веревку на другом заключенном, тот тут же рухнул на пол.

— Если они здесь, то и не такое заслужили, — заверил он.

— Что еще здесь делают? — спросил я, не отводя взгляда от висящих.

— Всякое, — сопровождающий встал рядом. — Кого-то просто в стоячий карцер. Несколько суток в каменном мешке — ни повернуться, ни присесть, зимой не подвигаться, не согреться. Досташь такого, а он валится на землю, ни в каком месте себя не чувствует. Лежит как червь, силится встать, а не получается. Смешно это выглядит. Иногда плетью, иногда палками наказывают, иногда каленым железом, иногда иглы. Когда нужно важные сведения получить быстро, то бензином умывают и — чирк... Один такой после допроса несколько дней никак не подыхал. С выжженными глазами, с кровавыми пузырями на рыле все лежал и орал, ни разу не отключился, пока уже не устали от его криков и доктор инъекцию фенола не сделал.

— Я полагал, здесь только расстреливают.

— Кому повезло, тех только расстреливают, — кивнул он и достал сигарету, — мелким калибром, чтоб меньше шума. А... это я вам уже говорил.

— Вы знаете, что в предписании есть пункт об обязательном медицинском осмотре заключенного перед наказанием палками, розгами и... другими приспособлениями. — Я кивнул на веревку, перекинутую через балку: — Врач хотя бы одного из них осматривал?

Роттенфюрер удивленно уставился на меня.

— Существует подобное предписание? — Он задумчиво потер подбородок. — Хм... забавно. Нет, ничего подобного тут

не практикуется. Такой поток... А для чего, собственно, это нужно? — Судя по всему, он никак не мог поверить в существование этого правила.

— Таков порядок, — коротко ответил я.

Мы вернулись на улицу, и я с наслаждением вдохнул свежий воздух. Взгляд мой уперся в соседний, десятый блок.

— Там то же самое или это обычный жилой барак?

Мой сопровождающий покачал головой.

— Раньше был жилой мужской, потом женщин пару месяцев размещали, а сейчас оборудовали как медицинский. По распоряжению сверху завезли самое лучшее оборудование: там и операционный зал, и исследовательский отдел с опытными лабораториями. Говорят, даже рентгеновский аппарат поставили. Я особо не вникал. Насколько мне известно, там сейчас проводят важные исследования по стерилизации.

Он посмотрел на часы.

— Нам пора возвращаться. Думаю, комендант уже ждет вас.

Я разглядывал фотокарточки, стоявшие на элегантно лакированном бюро. На них Рудольф Хёсс, комендант Аушвица, предстал в лучшие моменты своей жизни: за столом с министром пропаганды, на приеме рядом с рейхсфюрером, на торжественном митинге позади самого фюрера. Одна из фотографий была сделана в той самой комнате, в которой я сейчас находился: в кресле сидел рейхсфюрер, на коленях у него расположились младшие дети Хёсса, остальные вместе с родителями стояли рядом и с одинаковой улыбкой смотрели в объектив. Стоило признать, скромный блокфюрер из Дахау знатно взлетел ввысь.

Услышав позади шаги, я обернулся.

— Прощу прощения, что заставил вас ждать, дело в том, что в лагере...

Он остановился и внимательно всмотрелся в меня. Я широко улыбнулся.

— Фон Тилл? Фон Тилл! Волчара Дахау! Вот уж не думал, что доведется...

Мы крепко пожали друг другу руки.

— Оберштурмбаннфюрер, комендант, — произнес я, оглядывая его, — потрясающая карьера, прими мои поздравления.

Он кивнул на мои погоны и петлицы.

— Да и ты не сидел на месте. По такому случаю нужно выпить!

Он распорядился, чтобы к кофе подали коньяк и шоколад. Я продолжал разглядывать его домашний кабинет.

— Отличный дом, Рудольф, здесь приятно находиться.

— Это все заслуга Хедди, — довольно проговорил он. — Тебе уже показали лагерь?

Я кивнул. Он молча воззрился на меня, ожидая, что я скажу. Я усмехнулся:

— Хочешь знать, что будет в моем отчете?

— Брось, фон Тилл...

— Твое хозяйство в идеальном порядке, — заверил я. — Есть моменты, но при той нагрузке, что вы взяли на себя...

Лицо Хёсса просияло.

— Я знал, что ты поймешь это! Штабным крысам нужно лишь соответствие бумажкам, но только тот, кто сам прошел лагерь, знает, что это такое. Школа Эйке даром не проходит. — Он опустился в кресло, в котором когда-то сидел рейхсфюрер с его детьми, и удовлетворенно продолжил: — А ведь никто даже предположить не мог, что Аушвиц превратится в крупнейший центр по решению нашего главного вопроса. Образцовый, не побоюсь сказать. Мое детище, фон Тилл. Все, что ты здесь увидел, — целиком и полностью моя заслуга, — с гордостью произнес Хёсс. — Сегодня мы самые крупные: почти восемьдесят пять тысяч душ одновременно, живьем, — подчеркнул он. — Кто с нами сравнится? Дахау, Бухенвальд, Заксенхаузен? По поголовью они и до половины нашей не дотягивают. Да уже и самому с трудом верится, что тут было, когда я приехал сюда впервые. Местечко — дрянь, фон Тилл, прямо тебе говорю,

совершенно непригодно было для наших целей. Все постройки разваливались на глазах, а стоило пройти хорошему дождю, как Сола затапливала и без того рыхлую землю и все превращалось в болото. Один плюс: место было настолько дерьмовым, что никто сюда по доброй воле не совался. Так что не пришлось тратить много сил на очистку земель. Лишнее внимание нам ни к чему, сам понимаешь, — усмехнулся Хёсс.

Принесли кофе с коньяком. Хёсс с одобрением наблюдал, как нам разливали дымящийся напиток в тонкий белоснежный фарфор.

— Силы мы тратили на другое, — продолжил он, едва мы остались одни, — нам катастрофически не хватало стройматериалов. Я забрасывал инспекцию запросами, лично умолял Мюллера хоть о какой-то помощи, но получал лишь отписки.

Я верил в то, что Хёсс не преувеличивал.

— Ты даже представить не можешь, какое количество запросов ежедневно проходит через инспекцию! Это еще не считая всяких писем, донесений, отчетов и прочего.

Я поморщился, вспомнив свой рабочий стол, заваленный бумагами.

— А я в какой патовой ситуации оказался! С одной стороны, с меня требовали как можно быстрее завершить строительство, а с другой — не дали никакой помощи даже простейшими стройматериалами. Рейхсфюрер тогда прямо сказал, что не желает даже слышать о каких-то трудностях, мол, для высшего чина СС их не может быть.

Я сделал глоток кофе, оказавшегося на редкость хорошим — не чета тому дешевому суррогату, который сейчас подавали даже в офицерских столовых. Наслаждаясь вкусом, я произнес:

— В Берлине редко интересуются проблемами на местах, сам знаешь. Там требуется лишь исполнение.

Хёсс кивнул и даже подался вперед:

— Именно. Приходилось постоянно искать решения самому. Дошло до того, что я отправил специальный отряд

разбирать польские дома. Камень, доски, кирпич, плиты, стекло — я приказал тащить каждую мало-мальски полезную деревяшку на нашу строительную площадку. Мне даже пришлось самостоятельно ехать в Закопане, чтобы достать котлы для кухни, а потом в Рабку за соломенными матрасами.

— Кто снабжал?

— А никто. Как найду, что можно использовать в лагере, то просто забираю. А что оставалось делать? Приказ был построить. Представь, фон Тилл, мне пришлось доказывать специальной комиссии, что я конфискую сельскохозяйственную собственность вокруг лагеря не по своей прихоти, а исключительно по необходимости.

— На кой черт она тебе понадобилась?

— Нужно было загрузить хоть какой-то полевой работой арестантский сброд. Иначе, прохладаясь, они могли что-то удумать. Никогда не давать им времени на размышления — это я крепко усвоил, фон Тилл. Чем меньше арестанты думают, тем крепче может спать охрана.

От него не укрылась моя едва заметная усмешка, и комендант серьезно проговорил:

— Я ведь здесь свое здоровье угробил, понимаешь? Не знаю, в курсе ты или нет, но изначально Аушвиц планировался исключительно как транзитный узел: здесь должны были сортировать все поголовье перед отправкой в другие лагеря, но я доказал, что способен сделать из него вполне самостоятельный и полноценный лагерь для постоянного содержания. Сегодня мы в идеальном порядке содержим многотысячную свору, которая в противном случае обратила бы свои силы против рейха, не прижми я их к ногтю, — Хёсс с силой сжал подушечки указательного и большого пальцев, вскинув руку перед возбужденным лицом. — И ты думаешь, с завершением основного строительства я забыл, что такое трудности? Их стало только больше, причем валились откуда не ждали, — теперь уже он криво усмехнулся, потянулся и взял чашку, — например бабы, — сделав паузу, он многозначительно посмотрел на меня.

Я молча кивнул, давая понять, что с интересом жду продолжения.

— Я был категорически против смешения, — продолжил он, — но приказ последовал от самого рейхсфюрера. Нужно было в кратчайшие сроки подготовить лагерь к прибытию женщин. Ну, мы отправили пару сотрудников в Равенсбрюк* для получения опыта, так сказать, но, понятное дело, съездили они тогда без толку. Вернулись — не знали, за что хвататься. Выделили экстренно десять бараков, отделили их забором от основной зоны, но как управлять этим сектором? Вроде и заключенные, но ведь женщины... Сейчас это кажется смешным, а тогда все в диковинку. В штабе рейхсфюрера смекнули, что к чему, и откомандировали нам Лангефельд** вместе с двумя десятками надзирательниц. Уже через месяц у нас содержалось почти семь тысяч женщин. Только представь, каких-то четыре недели, а мы переплюнули Равенсбрюк! У них тогда, если не ошибаюсь, было меньше шести тысяч. Мы едва успевали расширять для них зону: новые деревянные бараки приходилось втискивать между старыми кирпичными. А главное, нам продолжали их везти, мол, вот вам рабочие руки, холера их дери. Сам посуди, какие из баб работники на очистке прудов или строительстве дорог? Злые, истощенные, апатичные, перепуганные — что ни день, так с десятков из них обязательно себе руки-ноги резанут или отобьют инструментом. Ладно бы только себя увечили, но ведь еще и инструмент, — Хёсс с сожалением покачал головой. — Но думаешь, только с номерными бабами проблема? — Он снова посмотрел на меня долгим выразительным взглядом.

Я молчал, ожидая пояснения.

* Равенсбрюк (от нем. Ravensbrück — Вороний мост) — крупнейший нацистский женский концлагерь, располагавшийся в 90 км к северу от Берлина, около одноименной деревни. Сейчас входит в состав города Фюрстенберг.

** Йоханна Лангефельд (1900—1974) — главная надзирательница Равенсбрюка.

— Узницу за любое неповиновение можно выпороть и отправить в штрафную команду, а с надзирательницами такой фокус не пройдет. А жаль! Эти существа совершенно не способны следовать инструкциям и поддерживать порядок. И дня нет, чтобы во время переключки не выявилось расхождение списков с фактическим наличием. Тогда эти курицы в форме начинают кудахтать и лупить куриц в робах. Бардак полнейший, сумятица. В мужском у нас всегда все было четко: сразу же после прибытия эшелона информация о количестве отправленных в газ и отобранных для работ поступает в политический отдел. А тот отправляет телексом точный статистический отчет в оба управления*. Берлин всё узнаёт в этот же день. Но едва за дело взялись бабы, как списки стали приходиться в политический с опозданием, да еще и с кучей исправлений и ошибок: цифры постоянно меняются, уточняются, поначалу бывало, что и на следующий день не доходили. В конце концов мне это надоело, как-никак именно я нес ответственность за это безобразие, и я распорядился об их полном подчинении администрации мужского лагеря. И что ты думаешь, фон Тилл?

Откровенно говоря, я пока не решил, что мне обо всем этом думать.

— Как поступают бабы, когда, по их мнению, их обижает мужик? — продолжил вопрошать комендант. — Они жалуются другому мужику, облеченному еще большей властью! Лангфельд отправила жалобу прямо в штаб рейхсфюрера на то, что от нее, видите ли, требуют подчинения равному по рангу. Звания этой курице, видимо, ни о чем не говорили!

Хёсс досадливо поморщился. Видно было, сколь болезненна была для него тема посягательства на его полномочия в его же собственной вотчине.

— Поначалу рейхсфюрер почему-то принял сторону Лангфельд, хотя и дураку понятно, что руководить лагерем она

* ВФХА и РСХА — Главное административно-хозяйственное управление СС и Главное управление имперской безопасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru